

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.0(091)

Боева Галина Николаевна

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Россия, 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15
g_boeva@rambler.ru

К вопросу о литературной репутации Леонида Андреева: понятие «леонидандреевщина»

Для цитирования: Боева Г. Н. К вопросу о литературной репутации Леонида Андреева: понятие «леонидандреевщина» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 1. С. 17–30. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.102>

В статье анализируется литературная репутация Леонида Андреева в социокультурном контексте XX–XXI вв. Методологической основой исследования послужила теория литературных репутаций И. Н. Розанова, а также затрагивающие эту проблему работы Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, Н. А. Богомолова. Слово «леонидандреевщина», до сих пор не зафиксированное словарями, получило большое распространение уже при жизни писателя и продолжает активно употребляться как оценочное выражение применительно к различным содержательно-стилевым явлениям в искусстве. В отличие от понятий «толстовщина» и «достоевщина», «леонидандреевщина» обозначает не только психологическую и мировоззренческую особенности творчества писателя, но и стилевое своеобразие его прозы / драматургии. В статье доказывается, что исследуемый лингвокультурный концепт имеет преимущественно негативное оценочное значение и находится в тесной связи с литературной репутацией Андреева, включавшей в себя такие характеристики, как «певец ужасов и кошмаров», «некультурный писатель» (глазами символистов), «декадент и вырожденец», «герой пародий» («пародийная личность» (Ю. Н. Тынянов)). Обнаруживается связь прижизненной литературной репутации писателя с восприятием его творчества советским литературоведением. Прослеживаются смысловые трансформации концепта «леонидандреевщина» в свете меняющихся антропологических установок последнего столетия: в раннесоветскую эпоху, в послевоенные годы, в период перестройки и в настоящее время. Материалом для исследования послужили заметки Л. Я. Гинзбург о психологии советского человека, дневники Ю. К. Олеси, рецензии и критические статьи разных лет, интернет-ресурсы, дающие представление об использовании слова в современной спонтанной речи и ли-

тературно-критическом дискурсе. Приведенные примеры показывают, что в настоящее время оба значения слова «леонидандреевщина» востребованы как равноправные. Делается заключение, что понятие «леонидандреевщина» вышло за пределы своей эпохи и стало частью массового сознания, одним из стереотипов, бытование которого в отечественной культуре позволяет проследить смену идеологии и литературных вкусов.

Ключевые слова: Леонид Андреев, *леонидандреевщина*, литературная репутация, рецепция, антропология, критика, стиль, *пародийная личность*.

Вышедшая в 20-е годы прошлого века книга И. Н. Розанова о литературной репутации [Розанов 1928] привлекла внимание к изучению этой проблемы, чуть раньше поставленной в статьях Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, и стала методологической основой для многих исследований в этом направлении (Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотмана, Н. А. Богомолова, А. И. Рейтблата и др.) — на материале последующих периодов литературы или применительно к отдельным писателям. Заметный вклад в исследование проблемы литературной репутации сделан Л. Е. Бушканец, которая осуществила грандиозную работу, вписав фигуру Чехова в панораму литературно-общественной жизни рубежа веков [Бушканец 2012]. В недавних исследованиях, посвященных, казалось бы, частным историям (восприятию творчества Н. Е. Струйского, В. В. Каменского), обоснованы во многом полемические по отношению к розановской теории и перспективные для дальнейшей теории литературной репутации идеи. К числу их относится интерпретация литературной репутации как суммы «магистральных» и «второстепенных» (в каждую литературную эпоху) литературных признаков [Попов 2011] или как сочетания взаимозависимых «литературных статусов», т. е. устойчивых характеристик положения писателя в литературной жизни в конкретный историко-культурный период [Антипина 2012].

В сущности, каждый писатель «ждет» системного изучения в аспекте рецепции его творчества, исследования литературной репутации и ее динамики. В этом смысле изучение литературной репутации Леонида Андреева представляется особенно перспективным, поскольку она отличается сложностью и неоднозначностью — как при жизни писателя, так и после, вплоть до настоящего времени — и отражает многие социокультурные процессы, характерные для переходной эпохи и искусства «неклассического типа» [Боева 2016, с. 155–354]. Кроме того, Леонид Андреев находится в числе немногих писателей, чье имя породило лингвокультурный концепт с оценочным значением — «леонидандреевщина». Исследование этого аспекта литературной репутации писателя и станет предметом нашего внимания в настоящей статье.

Основное значение суффикса *-щин-* в русском языке неизменно негативно-оценочное: он придает смыслу существительных идеологическую окраску со знаком «минус» («обломовщина», «литературщина», «интеллигентщина», «банальщина») [Ефремова 2005, с. 515]. Самое известное слово, образованное с помощью этого суффикса от фамилии русского писателя, безусловно, «достоевщина». Оно зафиксировано, с пометой «разговорное», и в значении «противоречивость чувств, душевная неуравновешенность, страдание и обреченность как совокупность черт героев Ф. М. Достоевского» [Ефремова 2000, с. 418], и, уже без стилистической маркировки, в значении «психологический анализ в манере Достоевского (с оттенком осуждения)» [Ушаков 2000, т. 1, стб. 784]. Из подобных слов, образованных от

фамилии писателя, в словаре найдем еще только «толстовство» и «толстовщину», равнозначные при определении религиозно-этического учения Толстого [Ушаков 2000, т. 4, стб. 731].

Примечательно, что сам Андреев употреблял в отзывах о Горьком, своем бывшем друге и постоянном «оппоненте», слово «горьковщина» в значении 'учительство', «одноглазие как догмат» [Андреев 1965, с. 484]. В то же время в горьковских характеристиках Андреева очевидным образом аккумулируется понятие «андреевщина» в смысле 'космический пессимизм' и 'дискредитация человека'. Таким образом, для Андреева и Горького в период их расхождения слова «андреевщина» и «горьковщина» становятся обозначением неприемлемых друг для друга писательских стратегий, противоположных их собственным.

Трудно сказать, когда именно появилось понятие «леонидандреевщина», но при жизни писателя оно уже было в ходу, о чем свидетельствуют воспоминания современников. Хронологически самый ранний прецедент употребления этого слова обнаружен нами не в «официальной» критике андреевских произведений, а в мемуарах. Речь идет об эпизоде из «Пристрастных рассказов» Л. Брик, связанном с активным неприятием поэмы Маяковского «Война и мир» (1915–1916) М. В. Матюшиным, который во время ее чтения устроил «форменную истерику»: «кричал, что какое же это, к черту, искусство и что поэма эта — „леонидандреевщина“» [Брик 2003, с. 125–126].

Очевидно, что по своему происхождению понятие «леонидандреевщина» находится в тесной связи с прижизненной литературной репутацией Андреева, которая включала в себя, в числе прочих, негативные характеристики, со временем ставшие основой для суффикса *-щин-*: «певец ужасов и кошмаров», «некультурный писатель» (глазами символистов), «декадент и вырожденец» (для критиков вульгарно-социологического толка), «герой пародий» («пародийная личность») (в пародийном дискурсе).

Динамика изменения литературной репутации Андреева в XX в. показывает, что некоторые определявшие ее признаки со временем переосмысливаются: например, андреевская «метафизичность» в первые советские десятилетия расценивается как реакционность, а в постсоветское время — наоборот. В то же время «отрицательные составляющие» литературной репутации Андреева оказываются крайне устойчивыми во времени. Так, восприятие Андреева как писателя «дурного вкуса», «беллетриста средней руки» явно восходит к символистской критике (З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсов, Д. В. Философов), которая сформировала некий «комплекс неполноценности» писателя — «некультурного таланта», «художника не верхов своего века, а его середины» [Брюсов 1908, с. 144]. Иное социокультурное осмысление творчества писателя в контексте размышлений об общедоступности искусства найдем у К. Чуковского, который видит в феномене Андреева некое стремление культуры к «собираемости», «центростремительности», «среднему стилю» в литературе, традиционно разделенной на «высокую» и «низкую» [Чуковский 1907, с. 3]. Однако этот взгляд на творчество Андреева не был воспринят современниками и не изменил стереотипного представления о популярности, массовости, доступности как свидетельствах художественной вторичности.

Вероятно, именно характерное для символистов восприятие творчества Андреева как «второсортного» в контексте эпохи модерна во многом повлияло на

его судьбу в литературоведении. В этой связи примечательна мысль И. Е. Гитович: «...каждый исследователь <...> так или иначе находится в зоне влияния той или иной литературной репутации изучаемого им писателя, которая существует в общем сознании в момент его прихода в науку» [Бушканец 2012, с. 11]. О неправомерности такого восприятия писателя, очевидного и в новейших исследованиях литературы данного периода (в частности, в книге Э. Ключ [Ключ 1993]), пишет В. А. Келдыш: Андреев «проигрывал» в сравнении с писателями-символистами — интеллектуалами, духовидцами, эстетам и метафизиками: он был *чересчур популярный, чересчур массовый*, что часто не дает (как не давало современникам) увидеть в его стихийном экзистенциализме глубины прозрений [Келдыш 2010, с. 378–380].

Переосмысление литературной репутации Леонида Андреева началось уже во второй половине 1920-х годов, однако преимущественно в вульгарно-социологическом духе. Так, восприятие Андреева как «городского писателя» (со всем богатством смыслов, свойственных этому понятию в эпоху модерна) трансформировалось в представление о нем как о выразителе мещанской / мелкобуржуазной / интеллигентской психологии [Десницкий 1940, с. 142–143]. Таким образом, «андреевское» расценивалось теперь как мировоззренческая ущербность, расхождение с официальной советской идеологией. Возникший в это же время новый, собственно стилиевой обертон литературной репутации писателя: «прото- / экспрессионист» (И. И. Иоффе, К. В. Дрягин), — не закрепился в литературоведении и вновь стал актуальным много позже, в 1970-е годы (работы Л. Н. Кен, Л. К. Швецов и др.). К концу 1920-х годов творчество писателя постепенно переходит в разряд «устаревшего» наследия дореволюционной эпохи; процесс «стирания» имени Андреева из литературного обихода можно проследить по дневникам К. Чуковского — уникальному документу эпохи, фиксирующему все этапы литературной репутации Андреева в меняющемся социокультурном контексте с 1901 по 1969 г.

Однако новые подходы к творчеству писателя стали формироваться уже в 1950–1960-е годы (работы Л. Н. Афонина, К. Д. Муратовой, В. А. Келдыша, В. И. Беззубова и др.). Важным этапом на этом пути стали диссертация и монография Л. А. Иезуитовой, в которых было высказано несколько основополагающих для дальнейшего андрееведения идей: «промежуточная природа» его творчества, особый, «головной» подход Андреева к решению художественных задач, единство всего корпуса его текстов (включая фельетонный, «курьерский» период). В работах Иезуитовой речь идет об «андреевском почерке», «особом стиле и тоне» повествования, определивших своеобразие его поэтики [Иезуитова 1976]. Благодаря исследованиям упомянутых литературоведов появляется новый статус литературной репутации Андреева — «незаслуженно забытый писатель Серебряного века», а «андреевское» начинает пониматься не только как мировоззренческое, но и как стиливое начало¹.

Отвечая на вопрос о причинах устойчивости в культурном обиходе понятия «леонидандреевщина» уже после смерти писателя (в 1919 г.), необходимо обратиться к новой антропологии советского человека. В этом смысле примечательны

¹ Заметим, что в настоящее время, в связи с изменением общественного климата, вновь возрастает интерес к социально заряженной части андреевского творчества: театральные премьеры 2017 г. — «Губернатор» (по мотивам произведений писателя, БДТ, реж. А. Могучий) и «Царь Голод» (театр «Подмостки», реж. А. Лунин).

размышления Л. Я. Гинзбург о смене типов человеческого сознания, мышления и поведения. Вспоминая мысль Ю. Н. Тынянова об исторической обусловленности восприятия смерти, которую «не уважали» в пушкинское время (страх смерти «придумали» позже Тургенев, Толстой), Гинзбург пишет: «Страх обуял целые поколения, все возрасты — вплоть до Леонида Андреева. Потом опять пошел на убыль» [Гинзбург 1989, с. 95]. Признания Гинзбург интересны еще и потому, что она принадлежит к поколению ровесников века (род. в 1902 г.) и фиксирует социально-психологические перемены в сознании человека раннесоветской эпохи:

«Историчным, социально продиктованным является и самое интимное сознание человека. Мне пришлось наблюдать, как среди моих сверстников с отроческого возраста быстро и уверенно складывался тип интеллигента с надрывом (душевные глубины, крайняя автопсихологическая заинтересованность, перебои психического аппарата, которые эстетизируются) — и как этот унаследованный склад оказался решительно не к истории» [Гинзбург 1989, с. 95].

И далее Гинзбург пишет о «наложении» на этот тип сознания другого, с иными социальными качествами, продиктованными временем. Победили «уважение к душевному и физическому здоровью», к целеустремленности, работоспособности, «интерес к общему», социальность — и «легкая брезгливость по отношению к душевным безднам, самопоглощенности и эстетизму» [Гинзбург 1989, с. 96]. Добавим: к «леонидандреевщине».

В другой статье на эту тему, тоже с автобиографическими отсылками, Гинзбург более отчетливо определяет комплекс самопоглощенности и культивирования собственных переживаний как «интеллигентский». Называя русскую интеллигенцию «типом культуры», она фиксирует противоречивость мироощущения интеллигента (и своего собственного) в поворотное для общества время [Гинзбург 1986, с. 140]. Эти записи примечательны как свидетельство сближения концептов «леонидандреевщина» и «интеллигентщина».

Социокультурный контекст первых советских десятилетий действительно высвечивает в понятии «леонидандреевщина» новые смысловые оттенки. Оно теперь употребляется как обозначение чуждого новому читателю (и писателю) комплекса социальной неполноценности, ущербности, связанной с интеллигентским «самокопанием», пессимизмом. Еще одно свидетельство нового самоощущения человека, воспитанного на старой культуре («Вишу между двумя мирами» [Олеша 1998]), — дневники Ю. К. Олеси (кстати, тоже ровесника века: родился в 1899 г.), в которых он подробно описывает свой комплекс «лишнего человека», интеллигента, обреченного на одиночество, на двойственность идентичности (одновременно и «изгойство», и «избранность»). Этот комплекс можно было бы без всякой натяжки охарактеризовать как «гамлетизм» — без натяжки, поскольку он не только определяется так самим автором дневников, но и явлен сюжетно в пьесе Олеси 1930 г. «Список благодетелей», главная героиня которой, актриса, игравшая Гамлета, становится эмигранткой. Разрыв между культурным сознанием героини и сознанием победившей массы подчеркнут тем, что изображенный в пьесе театральный деятель не знает, кто такой Шекспир.

Характерно, что пьесу «Список благодетелей» ставит в своем театре режиссер из числа тех немногих, чье культурное сознание тоже оказалось чуждым новой

эпохе, — В.Э. Мейерхольд. И примечательно, что в отзыве на эту постановку критик Э. М. Бескин клеймит ее как «леонидандреевщину»:

«Олеша поднимает флейту Леонида Андреева и думает, что на ней еще можно сыграть. Увы, эта флейта пуста, как и пути рационалистической интеллигенции, не осознавшей до конца диалектики классовой борьбы и апеллирующей поверх нее к метафизическим абсолютам „культуры“ и „разума“, к нетленным мощам „вечного“ Гамлета» [Бескин 1931, с. 2].

Рецепция пьесы Олеша обнаруживает «антропологический слом», который напрямую повлиял на посмертную литературную репутацию Леонида Андреева.

Возвращаясь к дневникам Олеша, заметим, что в них присутствует много отголосков «леонидандреевщины»: признание в «гиперболизме», в склонности к рисованию «раздражительных картин в духе немецких экспрессионистов», в «обрабатывании и высказывании» прежде всего своего гипертрофированного «я» [Олеша 1998]. Упрек в адрес Андреева со стороны старших символистов, считавших автора «Жизни Человека» неглубоким философом, вполне может быть адресован Олеше, который признается в дневнике: «Выводы, сделанные мною, могли равно принадлежать как гимназисту, так и философу»² [Олеша 1998]. Однако парадокс заключается в том, что теперь, в новой культурной ситуации, интеллигентское сознание, прежде противопоставлявшееся культурному сознанию элиты, само стало характерным для избранных, противостоящих большинству, массе («Я носитель культуры, а масса долгое время не имела к культуре доступа, и поэтому мы не понимаем друг друга, между нами пропасть» [Олеша 1998])³.

Как видим, к концу 1920-х годов «леонидандреевщина», потеряв прежние обертоны «вторичности» / «второсортности», начинает ассоциироваться со старой ушедшей культурой, со всем сложным психологическим комплексом, находившимся в фокусе классической литературы. Согласимся с В. В. Гудковой в том, что в 1920-е и 1930-е годы актуализируются (например, в творчестве М. А. Булгакова) мотивы «сна», «тумана», «бреда», двойничества и безумия, а также темы экзистенциального одиночества личности, неспособной к слиянию с массой [Гудкова 2002, с. 183]. Очевидно, что весь этот «комплекс леонидандреевщины» уже неактуален для эпохи. Как неактуален сюжет о вочеловечившемся дьяволе, вызывающий в памяти последний роман Андреева «Дневник Сатаны» (1919) и воплощенный Булгаковым в его последнем романе, который заведомо пишется «в стол». «Леонидандреевскую» линию русской литературы, надолго вытесненную на периферию, обнаружим в «Пирамиде» (1994) Л. М. Леонова, а также в неподцензурной «Истории русской литературы», которую в 1950-е годы создает поэт андеграунда А. М. Кондратов: одна из глав «Истории» иронически называется «Шызьнь Человека».

К концу 1920-х — началу 1930-х годов оформляются два равноправных значения слова «леонидандреевщина»: «тематическое» и «стилевое». В этой связи характерно письмо Е. И. Замятина к И. Ф. Калининскому (1925 г.) по поводу повести

² Ср. со словами Гиппиус об Андрееве: «Общее наше гимназичество нашло своего пророка» [Гиппиус 1910, с. 178].

³ Об этом же пишет и В. В. Гудкова, ассоциируя автора пьесы (Олешу) и режиссера (Мейерхольда): «У обоих — широкий кругозор, образованность (начитанность). Недостаточные прежде, на фоне „старых“ людей искусства, теперь, в конце 1920-х, они становятся чрезмерными, превращаются в обузу, помеху, горб, уродство» [Гудкова 2002, с. 27].

последнего «Смрад», посвященной событиям Гражданской войны: «Минусы — только в форме. Есть какая-то леонид-андреевщина в психологических описаниях, какая-то неверность в ритмовке фраз» [Замятин 1996, с. 144]. Заметим, что тематически повесть тоже вполне была «леонидандреевской», но Замятину важно было подчеркнуть стилевые приметы текста.

Кстати, в уже упоминавшейся статье Бескина о спектакле по пьесе Олеси, которого критик называет «братом по духу» Андрееву, также совмещаются оба значения «леонидандреевщины», поскольку автор статьи, имея опыт словоупотребления той, ушедшей эпохи (в свое время он много писал о театре Андреева), привносит в свои оценки новые идеологические смыслы:

«Это — Леонид Андреев.

Конечно, не фабульно, но настроение, манера, стиль, т. е. в конце концов художественное мировоззрение — типичная леонидандреевщина» [Бескин 1931, с. 2].

Далее критик определяет путь идущих в этом направлении как «путь интеллигента посленароднического периода», основные черты которого — «раздвоенность», «гамлетизм», «рационалистическая прямолинейность мышления», «вера в абсолют» («в флейту»), «неустойчивость», «пессимизм» и, наконец, «отрицание и бунт».

«Вот эти настроения, весь этот мелкобуржуазный бунт интеллигента нашли яркого воплотителя в Леониде Андрееве, во всем его стиле — в парадоксальности образов, плакатнокричащей фразе, помеси трагического с карикатурным, любви ко всяческой экзотике, скачках от реально-бытового к фантастически-кошмарному и т. д.» [Бескин 1931, с. 2].

Как видим, по логике Бескина стиль Андреева становится типичным стилем интеллигента, и в длинный ряд предшественников писателя он записывает Писарева, Лаврова, Михайловского, Гаршина, Надсона. «Леонидандреевщина» окончательно приобретает значение ярлыка для социально чуждого элемента.

Во второй половине 1940-х годов, когда послевоенная литература на новом историческом материале вернулась к темам боли, страдания, смысла жизни «на грани», «стилистическое» значение «леонидандреевщины» уходит в тень, а «содержательное» актуализируется. В 1946 г. Ю. В. Бондарев предлагает «Новому миру» свои первые рассказы, сюжеты которых связаны с суицидальным настроением изуродованного войной калеки, переживаниями фронтовика, вернувшегося в опустошенный дом, историей девушки, полюбившей недостойного. Критик А. М. Дроздов, мотивируя отказ в публикации рассказов бывшего фронтовика, называет их «леонидандреевщиной», поскольку их смысл сводится к мысли: «страдание пришло в мир» [Огрызко 2014].

Кризисное время 1980-х и 1990-х годов, породивших феномен «чернухи», требовало «тематические» смыслы понятия «леонидандреевщина», которое вновь оказывается в центре внимания искусства: «в моде» пессимистическое умонастроение, мрачные и «ужасные» сюжеты. Вероятно, не случайно кинематограф в это время активно обращается к экранизации скандальных андреевских произведений: появляются «Зверь ликующий» по «Бездне» (реж. В. Уфимцев, 1989), «Тьма» (реж. И. Масленников, 1991), «Очищение» (реж. Д. Шинкаренко, 1990) по «Повести о Василии Фивейском» Андреева. Последний в рецензии кинокритика М. С. Трофименкова прямо называется «леонидандреевщиной» [Трофименков 2001].

В постсоветское время слово «леонидандреевщина» то и дело всплывает в «интеллигентском дискурсе», например в самиздатовской поэзии:

Каюсь
Я грешен —
Почище
Венеры
Зараза —
Беккетовщина
Винниченковщина
Леонидандреевщина
Арцыбашевщина
(из поэмы И. Гарина «Страдание всегда достоверно» (1994) [Гарин 2014]).

Однако и значение ‘дурновкусие’ остается в спектре значений «леонидандреевщины». Так, в рецензии на книгу, вышедшую на Украине в период распада СССР, в 1991 г., якобы представляющую собой записи слов Л. И. Брежнева, читаем:

«Это стиль „леонид-андреевщины“, самого Андреева, других авторов той же складки, но меньшей величины, их предтеч, эпигонов и подражателей. „Силой мерного страдания дайте им храмы из еды и питья, и тогда ваши жалобы на жизнь я полюблю...“, — это от слова до слова не то из Андреева, не то из пародий на него. Этот стиль тоже был излюблен и популярен в стране в начале 20 века <...> у средней провинциальной интеллигенции, служащих „с запросами“, провинциальной <...> студенческой <...> молодежи» [Mogultaj 2004].

Уверяя, что у Брежнева и в помине не было примет инвертированного синтаксиса, характерного для подобной «леонидандреевщины», автор материала называет ее «сверхкнижным стилем».

Автор приведенной рецензии не случайно не может отличить Андреева от пародий на Андреева. Представляется, что это отголоски литературной репутации писателя, стиль которого своей узнаваемостью и заразной экспрессивностью часто вводил современников в соблазн подражания и пародирования, а в сочетании с андреевским статусом «модного автора» послужил основой для перерождения реального литератора в «пародийную личность» [Тынянов 1977, с. 290] «Леонид Андреев» (во многом благодаря пародиям и сатирам нововременского критика В. П. Буренина [Боева 2016, с. 305–354]). Вследствие близости механизма создания пародийной личности и процесса мифологизации фигура Леонида Андреева стала частью литературно-эстетической мифологии эпохи, вступившей в фазу массовой культуры. Вот почему и феномен пародийной личности «Леонид Андреев», и понятие «леонидандреевщина» неотъемлемы от мифологии своей эпохи. Пародия — двухголосое слово, «развенчательность» которого не только дискредитировала свой объект (в частности, андреевский стиль), но и способствовала совершенно обратному — освоению и усвоению нового художественного языка и, в итоге, благополучному вживанию в интеллигентский обиход начала XX в. [Кушлина 1993, с. 40].

Наконец, приведем несколько современных примеров использования и интерпретации понятия «леонидандреевщина».

В интервью по поводу номинантов на премию «Русский Букер — 2009» В. Топоров так отзываясь о вошедшем в шорт-лист романе Р. В. Сенчина «Елтышевы» (М.: Эксмо, 2009): «Роман Сенчина <...> очень мрачный, упадочный <...>. В общем, та-

кая „ЛеонидАндреевщина“. <...> он (автор. — Г. Б.) декадент в том духе, в котором был горячо им любимый Леонид Андреев» [Смирнова 2011].

Театральный критик и сценарист А. Зензинов, анализируя пьесы, номинированные в 2009 г. на Международный конкурс молодых драматургов «Премьера», пишет: «Попадались — часто — пьесы, где среди героев — ангелы, отдельные элементы внутреннего „Я“ и прочая леонидандреевщина» [Зензинов 2009].

Оценка «леонидандреевщина» всплывает на различных интернет-форумах при обсуждении стихов, картин. Вот реакция на мрачное стихотворение о потере иллюзий: «Великолепно. Но Леонидандреевщина — хорошо, блестяще написано про то, как все плохо и даже хуже» (2009) [Zrbvjd 2009]. Картина американского художника Б. Стоунхэма «Руки противятся ему» («The Hands Resist Him», 1972), которая якобы внушает зрителям суицидальное настроение, одним из участников форума оценивается как «леонидандреевщина» и вызывает в его памяти цитату из «Красного смеха» («почему бы не зарезать, если нож острый?») [Румпельштильцхен 2015].

В одной из рецензий на концерт современной музыки (2013) читаем: «...это — безвкусная, навязчивая, ходульная достоевщина, или, скорее, больше бодлеровщина, или, ниже и гаже, это леонид-андреевщина, клоунада, низкий и подлый декаданс» [Черкасова 2013]. При обсуждении стихотворения молодой поэтессы (Я. Купина, 2013) строка «любовницы горизонта непостижимого» интерпретируется как явная безвкусица, пошлость: «откровенная леонидандреевщина» [Averyanov 2013].

Как видим, и «тематическое», и «стилевое» («дурновкусие») значения по-прежнему остаются в спектре смыслов слова «леонидандреевщина»⁴.

Подведем итоги.

«Леонидандреевщина» — уникальный в отечественной культуре концепт: внешне сходные с ним понятия «достоевщина», «толстовщина» (и «есенинщина», не попавшее в словари) фиксируют прежде всего психологическую и мировоззренческую составляющие творчества писателей и отнюдь не связаны со стилевыми особенностями их прозы / поэзии, в то время как исследуемое нами слово включает в себя еще и значение 'особенности стиля'.

Если «тематическое» значение «леонидандреевщины» связано с его концентрацией на «тяжелых», «мрачных» сюжетах (смерть, страдание, неблагополучие) и чувствах, вызываемых ими в читателе, то «стилевое» понималось преимущественно как «дурновкусие», но одновременно подразумевало и такие содержатель-

⁴ К сходному выводу приходит автор лингвистической статьи, в которой ставится вопрос: что такое «андреевщина» — метафора или уничижительная характеристика стиля? [Степанов 2011]. Ограничение предмета анализа только пьесами Андреева автор мотивирует тем, что «неуловимость» образа автора в драме делает ее идеальным материалом для «поиска сущности языка», методологически же исследование основывается на теории апперцепции, понимаемой по В. Гумбольдту и В. Вундту — как сосредоточение внимания в процессе восприятия на «формирующем органе мысли» — языке. Исследуя афористичный, «обусловленный мыслью» драматургический язык Андреева, а также речь его персонажей, «„жильцов“ интеллигентных ареалов», лингвист приходит к выводу о том, что упреки их автора «в „пессимизме“, „мрачности“, „безвкуси“, „провинциализме“» не учитывают отдельности «авторской личности», которая посредством «андреевской мысли» выстраивает конструкцию, означающую торжество стиля, а значит, «„андреевщина“ — это общее название метафоры, обнимающей поэтику драматурга Л. Андреева», которая впоследствии приведет к сказу как к главной в русской словесности доминанте [Степанов 2011, с. 59].

ные приметы стиля, как повышенная экспрессия, взвинченность, «нервность». Неприятие стиля Андреева, очевидным образом восходящее к критической оценке творчества Андреева символистами и его статусу «пародийной личности» своей эпохи, было поддержано начиная с 1920-х годов социологическим литературоведением, заклеившим писателя как идеологически чуждого, «неблагонадежного». На протяжении последующих десятилетий наблюдается употребление двух значений слова «леонидандреевщина» как равноправных.

Меняющийся социокультурный контекст, метаморфозы антропологических установок на протяжении XX столетия приводили к постоянным колебаниям значения понятия «леонидандреевщина», которые, в свою очередь, позволяют проследить смену идеологии и литературных вкусов. При многочисленных попытках эпигонства и внешнем «тиражировании» его стиля, Леонид Андреев, в силу самобытности и печати яркой индивидуальности, не имел своей «школы» и прямых последователей. Однако, став частью массового сознания, «леонидандреевщина» превратилась в один из общекультурных стереотипов, постоянно заявляющих о себе и в наши дни.

Источники

- Андреев 1965 — Андреев Л. «Летопись» и мемуары Шаляпина. *Литературное наследство*. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 483–485.
- Бескин 1931 — Бескин Эм. О флейте Ю. Олеси и нетленных мощах Гамлета. *Советское искусство*. 35 (107), 1931: 2.
- Брик 2003 — Брик Л. *Пристрастные рассказы*. Гройсман Я. И., Генс И. Ю. (сост.). Н. Новгород: ДЕКОМ, 2003. 324 с.
- Брюсов 1908 — Аврелий [Брюсов В. Я.]. «Жизнь Человека» в Художественном театре. *Весы*. 1, 1908: 143–146.
- Гарин 2014 — Гарин И. И. *Страданье всегда достоверно: Синтетическая поэма (компедиум, дайджест, экстрэ, обзор, digest, abstracts)*. Дата публикации: 15.09.2014. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=462646 (дата обращения: 25.12.2016).
- Гинзбург 1986 — Гинзбург Л. Я. «Еще раз о старом и новом: (Поколение на повороте)». *Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения: Сб. ст.* Чудакова М. О. (отв. ред.). Рига: Зинатне, 1986. С. 132–140.
- Гинзбург 1989 — Гинзбург Л. Я. «Записи 1920–1930-х годов». Гинзбург Л. Я. *Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования*. Л.: Советский писатель, 1989. С. 4–182.
- Гиппиус 1910 — Крайний Антон [Гиппиус З. Н.]. «Разочарования и предчувствия: (1910 год)». *Русская мысль*. Кн. 12, отд. 2, 1910: 175–184.
- Десницкий 1940 — Десницкий В. А. «М. Горький и Л. Андреев в их переписке: К истории дружбы». Десницкий В. А. *М. Горький: Очерки жизни и творчества*. Л.: Гослитиздат, 1940. С. 128–194.
- Замятин 1996 — [Замятин Е. И.] «...Я человек негнувшийся и своевольный. Таким и останусь»: Письма Е. И. Замятина разным адресатам. Давыдова Т. Т., Тюрина А. Н. (подг. публ.); Давыдова Т. Т. (вступ. ст., пер. с англ. и коммент.). *Новый мир*. 10, 1996: 136–159.
- Зензинов 2009 — Зензинов А. *О пьесах лонг-листа: Премьера PRO: Международная драматургическая программа*. Дата публикации: 05.11.2009. URL: <http://premiera-fest.livejournal.com/88447.html> (дата обращения: 25.12.2016).
- Олеша 1998 — Олеша Ю. К. «Литературные дневники». Гудкова В. (публ., послесл., коммент.). *Знамя*. 7, 1998: 172–178. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=526> (дата обращения: 25.12.2016).
- Румпельштильцхен 2015 — Румпельштильцхен. *Проклятая картина Билла Стоунхэма. Maxpark: социальная сеть для зрелых людей*. Дата публикации: 14.02.2015. URL: <http://maxpark.com/community/7006/content/3290984> (дата обращения: 25.12.2016).
- Смирнова 2011 — Смирнова Е. *Пять лучших произведений нулевых*. Дата публикации: 02.11.2011. URL: https://republic.ru/russia/5_luchshikh_proizvedeniy_nulevykh_godov-694786.xhtml (дата обращения: 25.12.2016).

- Трофименков 2001 — Трофименков М. *Новейшая история отечественного кино: 1986–2000: Кино и контекст*. Т. 3. СПб.: Сеанс, 2001. URL: <http://viperson.ru/articles/noveyshaya-istoriya-otechestvennogo-kino-626146> (дата обращения: 25.12.2016).
- Черкасова 2013 — Черкасова М. *Заратустра такого не говорил*. Дата публикации: 30.01.2013. URL: <http://musecube.org/?p=82820> (дата обращения: 25.12.2016).
- Чуковский 1907 — Чуковский К. “Остерегайтесь подделок: (Ан. Каменский. Рассказы. Т. 1. СПб. 1907)”. *Речь*. 154, 1907: 3.
- Averyanov 2013 — Averyanov. [Комментарии по поводу стихотворения Я. Крыловой]. Дата публикации: 07.05.2013. URL: <http://litcentr.in.ua/index/34-14021-3> (дата обращения: 25.12.2016).
- Mogultaj 2004 — Mogultaj. *Забавное сочинение о Л. И.: О характере и устремлениях Леонида Ильича Брежнева: материалы форума на сайте «Удел Могултая»*. Дата публикации: 25.10.2004. URL: <https://www.wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=babl;action=display;num=1062657418> (дата обращения: 25.12.2016).
- Zrbvjd 2009 — Zrbvjd. *Блюз для королевы*. Дата публикации: 16.12.2009. URL: <http://zrbvjd.livejournal.com/36332.html> (дата обращения: 25.12.2016).

Литература

- Антипина 2012 — Антипина З. С. *Литературная репутация и творчество В. В. Каменского в историко-культурном контексте 1920–1930-х годов*. Дис. ... канд. филол. наук. Науч. рук. В. В. Абашев. Пермский гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. 163 с.
- Боева 2016 — Боева Г. Н. *Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна*. СПб.: Петрополис, 2016. 520 с.
- Бушканец 2012 — Бушканец Л. Е. «Он между ними жил...»: А. П. Чехов и русское общество конца XIX — начала XX века. Казань: Казан. гос. ун-т, 2012. 755 с.
- Гудкова 2002 — Гудкова В. В. *Юрий Олеши и Всеволод Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодеев»: Опыт театральной археологии*. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 604 с.
- Ефремова 2000 — Ефремова Т. Ф. *Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. Т. 1*. М.: Русский язык, 2000.
- Ефремова 2005 — Ефремова Т. Ф. *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. М.: АСТ; Астрель, 2005. 636 с.
- Иезуитова 1976 — Иезуитова Л. А. *Творчество Леонида Андреева (1892–1906)*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 240 с.
- Келдыш 2010 — Келдыш В. А. “Леонид Андреев на рубеже 1890–1900-х годов и духовные искания времени”. Келдыш В. А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 378–400.
- Клюс 1999 — Клюс Э. *Нищие в России: Революция морального сознания*. Харченко Л. В. (пер.). СПб.: Академический проект, 1999. 240 с. (Современная западная русистика. Т. 23). (пер. с англ.)
- Кушлина 1993 — Кушлина О. Б. “Мистики и мистификаторы”. *Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология*. Кушлина О. Б. (сост., коммент.). М.: Высшая школа, 1993. С. 34–40.
- Огрызко 2014 — Огрызко В. “Друзья — враги”. *Литературная Россия*. 9, 2014. URL: <http://www.litrossia.ru/archive/item/6927-oldarchive> (дата обращения: 13.02.2018).
- Попов 2011 — Попов В. Н. *Н. Е. Струйский и проблема литературной репутации*. Дис. ... канд. филол. наук. Науч. рук. А. А. Илюшин. МГУ им. М. В. Ломоносова, Филологический факультет. М., 2011. 187 с.
- Розанов 1928 — Розанов И. Н. *Литературные репутации*. М.: Никитинские субботники, 1928. 147 с.
- Степанов 2011 — Степанов А. В. Леонид Андреев: пьесы. *Русский язык в школе*. 7, 2011: 56–59.
- Тынянов 1977 — Тынянов Ю. Н. “О пародии”. Тынянов Ю. Н. *Поэтика. Теория литературы. Кино*. М.: Наука, 1977. С. 284–310.
- Ушаков 2000 — *Толковый словарь русского языка: В 4 т.* Ушаков Д. Н. (ред.). М.: Астрель; АСТ, 2000.

Статья поступила в редакцию 16 января 2017 г.

Статья рекомендована в печать 8 июня 2017 г.

On Leonid Andreev's literary reputation: The concept of *leonidandreevism*

For citation: Boeva G.N. On Leonid Andreev's literary reputation: The concept of *leonidandreevism*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 1, pp. 17–30. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.102>

The article analyzes Leonid Andreev's literary reputation in the socio-cultural context of the 20th and 21st centuries. Methodology of this study is based on I. N. Rosanov's theory of literary reputations, as well as on the works by B. M. Eikhenbaum, Iu. N. Tynianov, and N. A. Bogomolov. The word *Leonidandreevism* was already widespread during Andreev's lifetime and it is still actively used as a value-laden expression applied to the content and style of various phenomena in art. Unlike the concepts *Tolstoyanism* and *Dostoevskianism*, *Leonidandreevism* refers not only to the psychological and philosophical aspects of the writer's work but also to the stylistic peculiarities of his prose and drama. The article demonstrates that this concept has a predominantly negative connotation and is closely connected to Andreev's literary reputation that includes such characteristics as “the singer of horrors and nightmares”, “an uncultured writer” (in the eyes of the symbolists), “a decadent and a degenerate”, and “a hero of parodies”. The article also follows semantic metamorphoses of the concept “*Leonidandreevism*” during the early Soviet period, in the postwar years, during *perestroika*, and at present. This study uses L. Ia. Ginzburg's notes on the psychology of the Soviet man, Iu. K. Olesha's diaries, reviews and articles of different years, and Internet resources that can provide an idea about using the word both in contemporary speech and in the discourse of literary criticism. The examples used in the article demonstrate that at the present time both meanings of the word *Leonidandreevism* are equally common. The author concludes that the concept *Leonidandreevism* has crossed the boundaries of its epoch and become a part of mass consciousness — one of the stereotypes that helps to perceive the changes in ideology and literary tastes in Russia.

Keywords: Leonid Andreev, *leonidandreevism*, literary reputation, reception, anthropology, criticism, style, parodic personality.

Text sources

- Андреев 1965 — Andreev L. ««Letopis'» i memuary Shaliapina» [“Chronicle” and Shaliapin's Memoirs]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Inheritance]. T. 72: Gor'kii i Leonid Andreev: Neizdannaiia perepiska [Maxim Gorky and Leonid Andreev: Unpublished Correspondence]. Moscow: Nauka Publ., 1965. P. 483–485. (In Russian)
- Бескин 1931 — Beskin Em. O fleite Iu. Oleshi i netlennykh moshchakh Gamleta [About Yu. Olesha's Flute and Hamlet's Incorruptible Relics]. *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art]. 35 (107), 1931: 2. (In Russian)
- Брик 2003 — Brik L. *Pristrastnye rasskazy* [Biased Stories]. Groisman Ia. I., Gens I. Iu. (comp.). N. Novgorod: DEKOM Publ., 2003. 324 p. (In Russian)
- Брюсов 1908 — Avrelii [Briusov V. Ia.]. «Zhizn' Cheloveka» v Khudozhestvennom teatre [“The Life of Man” in the Art Theater]. *Vesy* [Libra]. 1, 1908: 143–146. (In Russian)
- Гарин 2014 — Garin I. I. *Stradanie vseгда dostovernno: Sinteticheskaia poema (kompedium, daidzhest, ekstra, obzor, digest, abstracts)* [The Suffering is Always Truthful: Synthetic Poem: (Kompendium, Digest, Ekstra, Review, Digest, Abstracts)]. Publication Date: 15.09.2014. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=462646 (Access Date: 25.12.2016). (In Russian)

- Гинзбург 1986 — Ginzburg L. Ia. “Eshche raz o starom i novom: (Pokolenie na povorote)” [Once Again about the Old and the New: (Generation at the Turn)]. *Tynianovskii sbornik: Vtorye Tynianovskie chteniia: Sb. st.* [Tynyanovsky Collection: Second Tynyanovsky Readings: Col. of Art.]. Chudakova M. O. (ed.). Riga: Zinatne Publ., 1986. P. 132–140. (In Russian)
- Гинзбург 1989 — Ginzburg L. Ia. “Zapisi 1920–1930-kh godov” [Notes of 1920–1930th Years]. Ginzburg L. Ia. *Chelemek za pis'mennym stolom: Esse. Iz vospominanii. Chetyre povestvovaniia* [A Person at a Desk: Essay. From Memoirs. Four Narrations]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., 1989. P. 4–182. (In Russian)
- Гиппиус 1910 — Krainii Anton [Gippius Z. N.]. “Razocharovaniia i predchuvstviia: (1910 god)” [The Disappointments and Forebodings: (1910)]. *Russkaia mysl'* [Russian Thought]. Book 12, part 2, 1910: 175–184. (In Russian)
- Десницкий 1940 — Desnitskii V. A. “M. Gor'kii i L. Andreev v ikh perepiske: K istorii druzhby” [M. Gorky and L. Andreyev in Their Correspondence: To the History of Friendship]. Desnitskii V. A. *M. Gor'kii: Ocherki zhizni i tvorchestva* [M. Gor'kij: Sketches of Life and Work]. Leningrad: Goslitzdat Publ., 1940. P. 128–194. (In Russian)
- Замятин 1996 — [Zamiatin E. I.] «...Ia chelemek negnushchiisa i svoevol'nyi. Takim i ostanus'»: Pis'ma E. I. Zamiatina raznym adresatam [“...I am an Unbending and Willful Person. And I Will Remain Such”: E. I. Zamyatin's Letters to Various Addressees]. Davydova T. T., Tiurina A. N. (prep.); Davydova T. T. (introd., transl. and comment.). *Novyi mir* [New World]. 10, 1996: 136–159. (Transl. from English to Russian)
- Зензинов 2009 — Zenzinov A. *O pèsakh long-lista: Prem'era PRO: Mezhdunarodnaia dramaturgicheskaia programma* [About Plays of the Long-list: Premiere of PRO: International Dramaturgic Program]. Publication Date: 05.11.2009. URL: <http://premiere-fest.livejournal.com/88447.html> (Access Date: 25.12.2016). (In Russian)
- Олеша 1998 — Olesha Iu. K. Literaturnye dnevniki [Literary Diaries]. *Znamya* [Banner]. 7, 1998: 172–178. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=526> (Access Date: 25.12.2016). (In Russian)
- Румпельштильцхен 2015 — Rumpel'shtil'tskhen. Prokliataia kartina Billa Stounkhema [Damned Picture of Bill Stounkhema]. *Maxpark: sotsial'naia set' dlia zrelykh liudei* [Maxpark: Social Net for Mature People]. Publication Date: 14.02.2015. URL: <http://maxpark.com/community/7006/content/3290984> (Access Date: 25.12.2016). (In Russian)
- Смирнова 2011 — Smirnova E. *Piat' luchshikh proizvedenii nulevykh* [Five of the Best Works of the 1900s]. Publication Date: 02.11.2011. URL: https://republic.ru/russia/5_luchshikh_proizvedeniy_literatury_nulevykh_godov-694786.xhtml (Access Date: 25.12.2016). (In Russian)
- Трофименков 2001 — Trofimenkov M. *Noveishaia istoriia otechestvennogo kino: 1986–2000: Kino i kontekst.* [The Contemporary History of the National Cinema: 1986–2000: Cinema and Context]. Vol. 3. St. Petersburg.: Seans Publ., 2001. URL: <http://viperson.ru/articles/noveyshaya-istoriya-otechestvennogo-kino-626146> (Access Date: 25.12.2016). (In Russian)
- Черкасова 2013 — Cherkasova M. *Zaratustra takogo ne govoril* [Zarathustra Did Not Say That]. Publication Date: 30.01.2013. URL: <http://musecube.org/?p=82820> (Access Date: 25.12.2016). (In Russian)
- Чуковский 1907 — Chukovskii K. “Osteregaites' poddelok: (An. Kamenskii. Rasskazy. T. 1. SPb. 1907)” [Beware of Fakes: (An. Kamensky's Stories. Vol. 1. SPb. 1907)]. *Rech'* [The Speech]. 154, 1907: 3. (In Russian)
- Averyanov 2013 — Averyanov. [Kommentarii po povodu stikhotvoreniia Ia. Krylovoi] [[The Comments on Y. Krylova's Poem]]. Publication Date: 07.05.2013. URL: <http://litcentr.in.ua/index/34-14021-3> (Access Date: 25.12.2016). (In Russian)
- Mogultaj 2004 — Mogultaj. *Zabavnoe sochinenie o L. I.: O kharaktere i ustremieniakh Leonida Il'icha Brezhneva: materialy foruma na saite “Udel Mogultaia”* [An Amusing Writing about L. I.: On the Character and Aspirations of Leonid Ilyich Brezhnev: Materials of the Forum on the Website “Destiny of Mogultaj”]. Publication Date: 25.10.2004. URL: <https://www.wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=babl;action=display;num=1062657418> (Access Date: 25.12.2016). (In Russian)
- Zrbvjd 2009 — Zrbvjd. *Bliuz dlia korolevy* [Blues for the Queen]. Publication Date: 16.12.2009. URL: <http://zrbvjd.livejournal.com/36332.html> (Access Date: 25.12.2016). (In Russian)

References

- Антипина 2012 — Antipina Z. S. *Literaturnaia reputatsiia i tvorchestvo V. V. Kamenskogo v istoriko-kul'turnom kontekste 1920–1930-kh godov* [V. V. Kamensky's Work and Literary Reputation in the Historical and Cultural Context of the 1920s and '30s]. PhD diss. (Philology). Research supervisor V. V. Abashev. Perm State National Research Univ. Perm, 2012. 163 p. (In Russian)

- Боева 2016 — Boeva G. N. *Tvorchestvo Leonida Andreeva i epokha moderna* [Leonid Andreev's Work and the Epoch of Modern]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2016. 520 p. (In Russian)
- Бушканец 2012 — Bushkanets L. E. «On mezhdu nimi zhil...»: A. P. Chekhov i russkoe obshchestvo kontsa XIX — nachala XX veka [“He Lived among Them...”: A. P. Chekhov and the Russian Society at the End of the 19th Century and Beginning of the 20th Century]. Kazan': Kazan' State Univ. Press, 2012. 755 p. (In Russian)
- Гудкова 2002 — Gudkova V. V. *Iurii Olesha i Vsevolod Meierkhol'd v rabote nad spektaklem “Spisok blagodeianii”*: Opyt teatral'noi arkhologii [Collaboration of Iu. Olesha and Vs. Meyerhold in the Production of “A List of Blessings”]: An Attempt at Theatrical Archeology]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 604 p. (In Russian)
- Ефремова 2000 — Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo iazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of Russian: Explanatory with Word-Formation]: In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Russkii iazyk Publ., 2000. (In Russian)
- Ефремова 2005 — Efremova T. F. *Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinits russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Word-formation Units of Russian]. Moscow: AST; Astrel, 2005. 636 p. (In Russian)
- Иезуитова 1976 — Iezuitova L. A. *Tvorchestvo Leonida Andreeva (1892–1906)* [Leonid Andreyev's Work (1892–1906)]. Leningrad: Leningrad State Univ. Press, 1976. 240 p. (In Russian)
- Келдыш 2010 — Keldysh V. A. “Leonid Andreev na rubezhe 1890–1900-kh godov i dukhovnye iskania vremeni” [Leonid Andreyev between the 1890s–1900s and Spiritual Searches of the Time]. Keldysh V. A. *O «serebrianom veke» russkoi literatury: Obshchie zakonomernosti. Problemy prozy* [About the “Silver Age” of Russian Literature: General Patterns. Problems of Prose]. Moscow: Institute of World Literature of the RAS Press, 2010. P. 378–400. (In Russian)
- Ключ 1999 — Clowes E. W. *Nietzsche v Rossii: Revoliutsiia moral'nogo soznaniia* [Nietzsche in Russia: Revolution of Moral Consciousness]. Kharchenko L. V. (transl.). St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1999. 240 p. (Sovremennaiia zapadnaia rusistika [Modern Western Studies]. Vol. 23). (Transl. from English to Russian)
- Кушлина 1993 — Kushlina O. B. “Mistiki i mistifikatory” [Mystics and Mystifiers]. *Russkaia literatura XX veka v zerkale parodii: Antologiiia* [Russian Literature of the 20th Century in the Mirror of Parody: Anthology]. Kushlina O. B. (compl., comment.). Moscow: Vysshaia shkola Publ., 1993. P. 34–40. (In Russian)
- Огрызко 2014 — Ogryzko V. “Druz'ia — vragi” [Friends Are Enemies]. *Literaturnaia Rossiia* [Literary Russia]. 9, 2014. URL: <http://www.litrossia.ru/archive/item/6927-oldarchive> (Access Date 13.02.2018). (In Russian)
- Попов 2011 — Popov V. N. *N. E. Struiskii i problema literaturnoi reputatsii* [N. E. Struysky and the Problem of Literary Reputation]. PhD Diss. (Philology). Research supervisor A. A. Iliushin. Moscow State University. Moscow, 2011. 187 p. (In Russian)
- Розанов 1928 — Rozanov I. N. *Literaturnye reputatsii* [Literary Reputations]. Moscow: Nikitinskie subbotniki Publ., 1928. 147 p. (In Russian)
- Степанов 2011 — Stepanov A. V. Leonid Andreev: pësy [Leonid Andreyev: Plays]. *Russkii iazyk v shkole* [Russian Language at School]. 7, 2011: 56–59. (In Russian)
- Тынянов 1977 — Tynianov I. N. “O parodii” [On Parody]. Tynianov Iu. N. *Poetika. Teoriia literatury. Kino* [Poetics. Theory of Literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 284–310. (In Russian)
- Ушаков 2000 — *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Russian]: In 4 vols. Ushakov D. N. (ed.). Moscow: Astrel' Publ.; AST Publ., 2000. (In Russian)